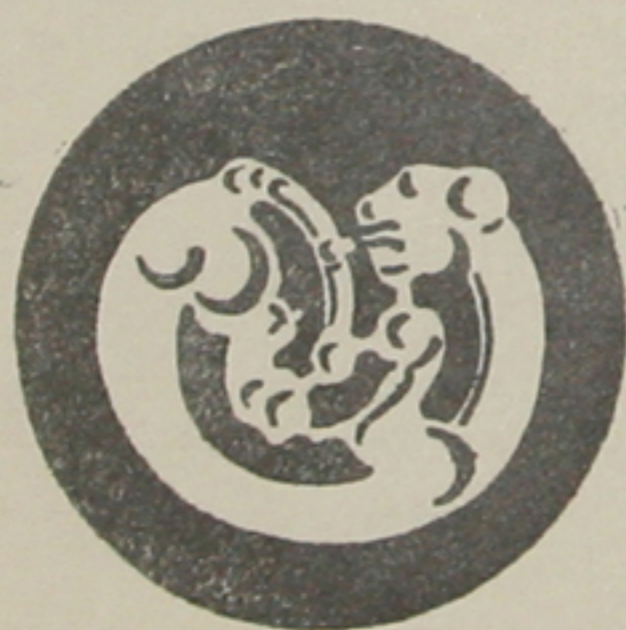

Д. Марра

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И М А Т Е Р И А Л Ь Н О Й К У Л Ь Т У Р Ы И М Е Н И Н . Я . М А Р Р А

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1949 Ленинград

1. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Д. А. АВДУСИН

ВАРЯЖСКИЙ ВОПРОС ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

В предлагаемой работе так называемый варяжский вопрос, т. е. вопрос о роли варягов в истории древней Руси, рассматривается на материале гнездовских курганов, что у Смоленска, и михайловских курганов, что у Ярославля. При рассмотрении этого вопроса на основании археологических данных норманисты всегда прибегали к материалу указанных курганных групп. Значительно реже привлекался материал приладожских и черниговских курганов, так как количество вещей, близких к скандинавским, там настолько ничтожно, что при решении данной проблемы они во внимание не принимались. Таким образом, рамки данной статьи не становятся более узкими от того, что автор рассматривает лишь материал Гнездова и Михайловского.

Материал михайловских курганов послужил темой исследования Станкевич, выводы которой убедительно опровергают норманистские теории.¹ Гнездовская курганная группа никем из советских археологов специально не рассматривалась, а дореволюционные ученые весьма часто объявляли ее скандинавской.

Уже первые раскопки обеих курганных групп вызвали противоположные толкования их характера. Норманистскую точку зрения защищали Спицын,² Тихомиров,³ Арне.⁴ Позднее к ним примкнули Готье,⁵ Равдоникас⁶ и Кивикоски.⁷ Антинорманистские взгляды до революции высказал первый исследователь Гнездова — Сизов.⁸ В советское время эти взгляды были поддержаны и развиты Арциховским,⁹ Станкевич, Рыбаковым¹⁰ и другими учеными.

¹ Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в 9—10 ст. МИА СССР, вып. 6, М.—Л., 1941.

² А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб., 1903.

³ И. А. Тихомиров. Кто насыпал ярославские курганы? ч. 1. Тр. II Обл. тверского археол. съезда, Тверь, 1906; ч. II, Тр. III Обл. историко-археол. съезда Владимир, 1906.

⁴ Т. Арне. La Suède et l'Orient, Upsala, 1914.

⁵ Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе, М., 1930.

⁶ W. J. Raudeonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet, Stockholm, 1930, стр. 131, примеч.; его же. Некоторые моменты процесса возникновения феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных. ИГАИМК, вып. 103, М.—Л., 1934, стр. 118, 127, 128.

⁷ E. Kivikoski. Studien zu Birkas Handel im östlichen Ostseegebiet. Acta archaeologica, т. VIII, вып. 3, København, 1937.

⁸ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. МАР, № 28, СПб., 1902.

⁹ А. В. Арциховский. Русская дружина по археол. данным. Историк-марксист, № 1, 1939.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М., 1948.

На что же ссылались сторонники существования варяжских колоний в Гнездове и Михайловском, доказывая свою правоту? Прежде всего на якобы норманский обряд погребения в данных курганных группах. Но факты говорят иное. Спицын утверждал, что если в VIII—IX вв. кривичи хоронили своих мертвых в длинных курганах, а норманны IX в. — в высоких куполообразных курганах, то к XI в. в Гнездове под влиянием варягов «курганы вырождаются в общий весьма простой тип» — низкие сферические насыпи.¹¹ Здесь несколько ошибок. Во-первых, на грани XI в. курганы на Руси везде сферичны, даже там, где и норманисты не предполагали варягов; следовательно, влияние варягов здесь не при чем. Во-вторых, норманские курганы не всегда высоки и не следует каждый высокий курган считать норманским. Большинство курганов Бирки (Швеция) имеет высоту 30—150 см.¹² В третьих, к XI в. в Гнездове отнюдь нет однообразия в типах курганов. Одновременно существуют и высокие и низкие насыпи. Например, курган № 7 раскопок Сергеева имел высоту 275 см, а курган № 3 тех же раскопок — только 75 см.¹³ Оба кургана относятся к концу X в. Высота кургана зависела не от племенной принадлежности погребенного, а от его знатности или степени уважения, оказывавшегося ему родичами или друзьями. Это подтверждается часто встречаемым обычаем насыпки курганов в несколько приемов, что отмечено и в Гнездове¹⁴ и в Михайловском.¹⁵

Один из характернейших признаков норманских погребений — обкладка основания кургана камнями в виде треугольника, креста, ладьи или четырехугольника.¹⁶ Обкладка в виде кольца встречается и у славян. Если бы гнездовские или михайловские курганы были оставлены варягами, то среди большого количества насыпей непременно нашлось бы несколько с фигурной обкладкой. Однако какого-либо подобия обкладки курганов не встречено там ни разу.

Основным обрядом погребения в Гнездове являлось трупосожжение; трупоположение встречено не более 5 раз из все 650 вскрытых курганов. Из 114 курганов в Михайловском: с трупосожжением было 71, а с трупоположением — 26, причем случаи сосуществования этих обрядов весьма редки. Кремация в очень короткий срок сменилась ингумацией. Это также говорит против норманистских теорий, потому что в могилах викингов один обряд всегда сопутствует другому. В Дании преобладало трупоположение, в Норвегии и Швеции — сожжение, но везде оба обряда синхронны.¹⁷ Кроме того, в Михайловском ни в одном трупоположении не обнаружено скандинавских вещей.

Были попытки разделить славянские и норманские погребения по разновидностям кремации. Ясно, что этот признак, как и всякий другой, взятый в отдельности, не может быть определяющим в суждении об этнической принадлежности населения, насыпавшего те или иные курганы. Вятичи сжигали своих покойников и вне кургана и на месте его сооружения.¹⁸ На Бирке встречены обе разновидности обряда,¹⁹ хотя Спицын считал трупосожжение, произведенное на месте сооружения насыпи, редким для курганов норманского типа,²⁰ а Равдоникас считает этот обряд обычным в

Скандинавии.²¹ Но оба обряда существовали и на Руси и в Скандинавии; поэтому нельзя приписывать обряд сожжения на месте сооружения кургана только славянам или только варягам. Нельзя делать подобных выводов и на основании захоронения сожженных костей в урнах или без них, ибо невозможно установить, для какого народа этот обряд более характерен. Летопись говорит, что вятичи собирали пепел в урну; наличие урны в славянских курганах отмечено и Нидерле.²² Но урны известны и в Скандинавии. Этот факт отмечен Арне²³ и Равдоникасом.²⁴ Монтелиус, говоря о погребальном обряде времени викингов, указывал, что «пепел и жженные кости часто собирались и помещались в глиняную урну».²⁵ Поэтому утверждение Готье, сделанное по поводу одного из гнездовских курганов, что в нем «норманскому обряду несколько противоречит только нахождение пережженных костей в урнах»,²⁶ — неверно по существу. Наличие урны не может ни подтвердить норманский обряд погребения, ни противоречить ему.

Обычай втыкать около покойника или урны меч и копьё, встреченный в данных курганах, Сизов и Готье приписывали норманам; норманским же обрядом Готье считал обычай класть в курган умышленно согнутый меч. Однако Хотимальский могильник является не норманским, а чудским, а обычай втыкать в землю возле покойника копьё, кельты, ножи встречается и там.²⁷ Подобный обряд встречен и на юге Руси в доваряжское время;²⁸ аналогичных случаев в Скандинавии мне неизвестно. Что касается обряда порчи меча, то он, по словам Дешелетта и Нидерле, является частью погребального обряда многих народов со времен Гальштата.²⁹ Сначала Нидерле полагал, что существует только два приемлемых объяснения этого обряда: 1) меч был согнут потому, что не влезал в гроб; 2) меч сгибали, чтобы «убить» его, так как «душе» умершего должна была служить «душа» меча. Но впоследствии Нидерле пришел к другому выводу. Он считал, что «этот обычай основан на нежелании передавать оружие в пользование другому, а не на поверье, что сломанная вещь переходит в новую жизнь на том свете».³⁰ Таким образом, этот обычай как бы предохранял разрытие могил для добывания оружия. Сообщение Ибн-Мискавейха о том, что мусульмане разрывали могилы именно с этой целью, подтверждает этот вывод.³¹

В одном из гнездовских курганов были найдены многочисленные заклепки, лежавшие кучками по контуру ладьи. Это позволило Сизову предположить в данном кургане захоронение в ладье. Для норманистов этот случай послужил одним из поводов объявить Гнездово скандинавской колонией. Действительно, обряд захоронения в ладье, как сожженной, так и несожженной, распространен в Скандинавии, где форме ладьи подражают каменные обкладки курганов. Но уже Анучин отметил, что погребения в ладье встречаются и у других народов, в том числе и у русских славян. Они обнаружены и у дер. Туровичи на Соже,³² и в костромских курга-

²¹ W. J. Raudonikas. Указ. соч., стр. 130.

²² Л. Нидерле. Быт и культура древних славян, Прага, 1921, стр. 121.

²³ Т. Арне. Указ. соч., стр. 38.

²⁴ W. J. Raudonikas. Указ. соч., стр. 130.

²⁵ O. Montelius. Указ. соч., стр. 164.

²⁶ Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 254.

²⁷ Б. Н. Граков. Отчет об археологических исследованиях. Сб. «3-й год деятельности Иваново-Вознесенского губ. общества краеведения», Иваново, 1927, стр. 36.

²⁸ Неопубликованный материал Днепропетровского музея из дер. Нескрибовки. Факт указан Б. А. Рыбаковым, за что приношу ему свою глубокую благодарность.

²⁹ J. Déchelette. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine, Paris, 1913—1914, стр. 730, 1131; Л. Нидерле. Человечество в доисторические времена, СПб., 1898, стр. 461.

³⁰ Л. Нидерле. Быт и культура..., стр. 86.

³¹ А. Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 г. Византийский временник, т. XXIV, Л., 1926, стр. 69.

³² МАР, 28, стр. 77.

¹¹ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 7.

¹² G. Hallström. Birka, вып. 1, Stockholm, 1913.

¹³ А. А. Спицын. Указ. соч.

¹⁴ Большой курган раскопок 1885 г., курган № 86 раскопок Сергеева, курган № 26 раскопок 1896 г.

¹⁵ Курган № 11 раскопок 1897 г.

¹⁶ O. Montelius. Les temps préhistoriques en Suède, 1895, стр. 300.

¹⁷ O. Montelius. Указ. соч., стр. 300; Н. Sjeteliga a. H. Falk. Scandinavian archaeology, Oxford, 1937, стр. 277.

¹⁸ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, М., 1930, стр. 105.

¹⁹ G. Hallström. Указ. соч.

²⁰ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 9.

нах,³³ и в курганах б. Херсонской губернии.³⁴ В восточной Карелии до второй половины XIX в. могилы покрывались перевернутыми или распиленными пополам лодками,³⁵ а ханты (остяки) до недавнего времени хоронили своих покойников в лодках.³⁶ Следовательно, говорить об этом обычае, как о присущем только скандинавам, — нельзя.

Для погребений времени викингов в Скандинавии весьма характерно, что в них обильно представлены «не только исключительно личные вещи — одежда, украшения, оружие и т. п., но также разнообразные орудия сельскохозяйственного труда, инструменты рукоделия и ручного труда. В мужских могилах преобладают сельскохозяйственные, кузнечные и деревообделочные орудия, в женских — гребни для чесания льна и пеньки, инструменты для прядения, ткачества и шитья».³⁷ В Гнездове же и в Михайловском совершенно отсутствуют сельскохозяйственные орудия, орудия ткачества; кузнечные инструменты представлены лишь единичными зубилами. Вообще орудия труда встречаются чрезвычайно редко, что также противоречит предположению о норманском обряде погребения в этих курганных группах.

Таким образом, наличие норманского обряда погребения ни в Гнездове, ни в Михайловском не подтверждается. Наоборот, некоторые особенности говорят о славянских чертах обряда.

В Гнездове известны курганы, дающие в горизонтальном сечении не круг, а четырехугольник. Наличие таких курганов, несомненно, указывает на связь погребальных обрядов в гнездовских курганах и в погребениях кривичей VIII—IX вв., которые хоронили в длинных курганах, имеющих более или менее ярко выраженную четырехугольную форму.³⁸

Обычай «приготавливать под тело подстилку из желтого и белого речного песка, желтой глины или пепла, перемешанного с песком», Нидерле считает обычаем восточных славян.³⁹ В Гнездове такая подстилка из белого песка весьма часта.

Размещение погребальных урн в насыпи, по мнению Спицына, может говорить об этническом составе населения, насыпавшего курган. Спицын предполагает, что кривичи помещали урны высоко в насыпи;⁴⁰ у других славянских племен этот обряд встречается редко и совсем неизвестен в Скандинавии.

В скандинавских курганах IX—X вв. нет случаев, чтобы пепел был сложен в яме, вырытой в материке под курганом; Нидерле отмечает такой обряд у западных славян. Подобные же случаи известны в Михайловском.

Итак, в погребальных обрядах Гнездова и Михайловского не отмечено ни одной специфической скандинавской черты, а черты славянского обряда наблюдались постоянно.

Доказательством норманского характера гнездовских и михайловских курганов должно бы служить также наличие в них вещей скандинавских типов. Однако при решении вопроса о месте изготовления этих вещей, о том, как эти вещи попали в Поднепровье или Поволжье, а главное, при определении этнической принадлежности погребенного по этим вещам, — норманисты допустили ряд умышленных или неумышленных искажений фактов, и их положения нуждаются в проверке. Норманисты утверждают,

что если не все, то большинство исследуемых здесь курганов содержит скандинавские вещи. Если руководствоваться определениями норманистов и подсчитать комплексы, содержащие вещи так называемого скандинавского типа (многие из этих вещей, несомненно, местного происхождения, но об этом ниже), получится следующая картина.

В Гнездове погребальных инвентарей, где встречена хотя бы одна такая вещь, насчитывается 40, или 27% (курганы № 13, 15, 19 — раскопок Кузнецкого; ⁴¹ № 12 — 1880 г.; ⁴² № 18, 22, 29, 37, 40, 44, 45, 54, 59, 67, 73 — раскопок Соколова; ⁴³ № 1, 14 — раскопок Уварова; ⁴⁴ большой курган 1885 г.; ⁴⁵ № 1, 2 — 1894 г.; ⁴⁶ видимо, курганы № 38, 83 — 1896 г.; ⁴⁷ № 6, 8 — 1898 г. раскопок Сизова; ⁴⁸ № 7, 26, 34, 44, 46, 52, 53, 58, 65, 74, 85, 86, 89, 90 — раскопок Сергеева; ⁴⁹ № 12, 24 — раскопок Абрамова.⁵⁰

В Михайловском такой же подсчет дал 10 курганов, или 18% (№ 1 — 1896 г.; ⁵¹ № 10, 18 — 1897 г.; ⁵² № 8, 15, 18 — 1898 г.; ⁵³ № 1, 2 — 1902 г.; ⁵⁴ № 3 — 1903 г.; ⁵⁵ № 6 — 1938 г.⁵⁶).

Таким образом, нельзя говорить, что большинство курганов Гнездова и Михайловского содержало вещи скандинавского происхождения. Кроме того, еще Сизов установил, что многие вещи норманского типа имеют местное, а не скандинавское происхождение, что было признано даже таким панскандинавистом, как Арне.

Курганы, содержавшие вещи местной работы, необходимо исключить из перечисленных выше, потому, что находка вещи иноземного типа, но местного происхождения говорит о культурных связях, а не о колонизации и даже не о торговле.⁵⁷ К местным вещам в первую очередь нужно отнести железные гривны с квадратным сечением толстого прута, весьма отличные от тонких круглопроволочных скандинавских гривен; прут этот перевит вокруг своей оси либо в четырех местах, либо по всей длине. Техника выполнения других железных вещей из Гнездова такая же, как техника выполнения гнездовских гривен.

Местное происхождение этих гривен предполагал еще Сизов.⁵⁸ Им же отмечено, что многие вещи скандинавского типа (особенно так называемого стиля борре) имеют признаки непонимания мастером художественных приемов их орнаментации: ленточное плетение заменено простой нарезкой, в ажурном рисунке пробиты отверстия, не согласующиеся с ним по форме, и т. д. Подобные дефекты невозможны или весьма редки на родине данного стиля. Орнамент этих вещей представляет собой местную интерпретацию

⁴¹ М. Ф. Кузнецкий. Археологические исследования Смоленской губ. Древности, т. IX, вып. 1, 1881.

⁴² Указатель Исторического музея, М., 1893.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Колл. ГИМ.

⁴⁵ В. И. Сизов. Указ. соч.

⁴⁶ Дело Археологической комиссии, № 55 за 1894 г.

⁴⁷ Там же, № 69 за 1896 г.

⁴⁸ Там же, № 172 за 1898 г.

⁴⁹ А. А. Спицын. Указ. соч.

⁵⁰ Его же. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губернии. ЗОРСА РАО, т. VIII, СПб., 1906.

⁵¹ И. А. Тихомиров. Отчет о раскопках в Яросл. губ. и уезде под селцом Михайловским в 1896 г. Отд. отт. из «Яросл. губ. ведомостей», 1898.

⁵² Архив ГИМ, фонд 99, ед. хран. 42.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Исторический вестник, 1903, № 3, стр. 1207.

⁵⁵ ИАК, вып. 15 (прибавление), стр. 85.

⁵⁶ Я. В. Станкевич. Указ. соч.

⁵⁷ А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Смоленской и Суздальской землях. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 11—12, стр. 48.

⁵⁸ В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 121.

³³ Д. Н. Анучин. О культуре костромских курганов. Материалы по археологии восточных губерний России, т. III, М., 1899.

³⁴ Тр. VIII Археол. съезда, т. III, стр. 75.

³⁵ ИАК, вып. 38, стр. 120—121.

³⁶ Д. Н. Анучин. Сани, лабья и кони. Древности, т. XIV, стр. 173.

³⁷ Н. Shetelig. Указ. соч., стр. 278.

³⁸ Н. Н. Черныгина. Длинные курганы и сопки. МИА СССР, № 6, 1941, стр. 94.

³⁹ Л. Нидерле. Быт и культура..., стр. 130.

⁴⁰ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 10.

скандинавского стиля, и такие вещи Сизов справедливо считает не привозными, а местными.⁵⁹ К ним относятся бляшки и наконечники поясов, орнаментированные в стиле борре, и большинство черепаховидных фибул, найденных в Гнездове. В орнаментации одной подобной фибулы из Михайловского Станкевич указала смешение двух стилей — скандинавского и восточного, чего в самой Скандинавии не наблюдалось и что лишний раз подчеркивает местное производство черепаховидных фибул.⁶⁰

Из сказанного следует, что курганы, где встречены подобные вещи без вещей скандинавских, нельзя считать норманскими. Таким образом, нужно отбросить курганы № 19 раскопок Кусцинского, № 12 — 1880 г., № 29, 44, 45 — Соколова, № 8 1898 г. — Сизова и № 58 — Сергеева. Нельзя считать погребенного пришельцем и в том случае, если происхождение вещи, найденной в кургане, несомненно иноземное, но, кроме нес, других вещей не встречено. Так, по славянским горшкам в шведских курганах нельзя устанавливать славянскую принадлежность погребенного. Даже по характерным височным кольцам этого нельзя было бы сделать, если бы они были найдены в единственном числе в каком-нибудь кургане Скандинавии или других стран, так как любая вещь может попасть в любое место путем торговли.

Среди исследуемых курганов нередко встречается в кургане только фрагмент черепаховидной фибулы. На огне погребального костра они могли уцелеть вследствие своей массивности скорее, чем хрупкие кривичские височные кольца, перстни и другие украшения. По этим ничтожным фрагментам фибул нельзя установить, были они привозные или изготовлены на месте. Исключая из рассмотрения, как не скандинавские курганы, содержащие единственную, обычно фрагментированную вещь скандинавского типа, найденную либо с местными вещами, либо при нехарактерном инвентаре, либо при полном отсутствии других вещей, отбрасываем курганы: № 13 — раскопок Кусцинского; № 18, 37, 40, 54 — Соколова; № 14 — Уварова; № 1, 2 — 1894 г.; № 6 — Сизова 1898 г.; № 26, 44, 46, 53, 85, 89, 90 — Сергеева и, видимо, № 38 и 83 — 1896 г.

Инвентарь каждого из оставшихся курганов необходимо исследовать особо. Курган № 15 раскопок Кусцинского норманисты считают варяжским, так как в нем были найдены копье и меч встречающихся в Скандинавии типов, а также железная гривна. Еще Анучин,⁶¹ а в советское время Арциховский⁶² совершенно ясно доказали, что мечи, распространенные в IX—XI вв. в Восточной Европе, не являются скандинавскими, что эти мечи каролингского, общеевропейского типа; однако термин «варяжский» применительно к этим мечам проскальзывает в нашей археологической литературе до последнего времени.⁶³ Б. А. Рыбаков еще раз показал, что говорить о норманских мечах нельзя, ибо этот тип не только общеевропейский, но даже весьма вероятно изготовление этих мечей у нас, на территории славян. Что же касается рукоятей мечей, то Рыбаковым вполне доказано изготовление их в среднерусской полосе.⁶⁴ Все гнездовские и михайловские мечи нельзя назвать скандинавскими. Это — обычные каролингские мечи. Копья же, подобные гнездовскому, также известны в Скандинавии,

⁵⁹ Там же, стр. 36.

⁶⁰ Я. В. Станкевич. Указ. соч., табл. IV, рис. 3.

⁶¹ Д. Н. Анучин. О некоторых формах древнейших русских мечей. Тр. VI Археол. съезда, т. I, Одесса, 1886.

⁶² А. В. Арциховский. Русская дружина по археологическим данным. Историк-марксист, № 1, 1939; его же. Русское оружие X—XIII вв. Доклады и сообщения историч. факультета МГУ, вып. 4, М., 1946.

⁶³ Я. В. Станкевич. Курганы юго-восточного Приладожья и Карело-Финской ССР. Археол. сб., Петрозаводск, 1947, стр. 99.

⁶⁴ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 224.

но большинство типичных скандинавских копий имеет на втулке шипы — отростки, отсутствующие в гнездовском экземпляре. На лезвии этого копья Сизовым обнаружен волнистый узор, присущий дамасской стали, что указывает на его восточное происхождение.⁶⁵ Гривна из этого кургана, несомненно, местной работы. Остальной инвентарь составляют пружинные ножницы, стальной пинцет, древолазные шипы и шило, т. е. вещи, обычные для русских курганов. Горшки из этого кургана типично славянские.

Курган № 22 раскопок Соколова, кроме кольцевидной и круглой фибул, орнамент которых представляет местную интерпретацию стиля борре, содержит железную скобу, древолазный шип и стрелу. Такие стрелы иногда называют ромбовидными, но это неточно, так как верхняя часть ее треугольна, а нижняя представляет собой две дуги, вогнутые во внутрь. Стрелы подобной формы были широко распространены на Руси, но гнездовские экземпляры поражают изумительной выделкой и высокой техникой их изготовления. По этим признакам с ними можно сравнить только михайловские. Они совершенно не похожи на скандинавские. Все это говорит об их местном славянском происхождении.

В кургане № 67 тех же раскопок преобладают вещи, которым нельзя приписать скандинавское происхождение: лунница, поясные бляшки, орнаментированные семью кружками и не имеющие аналогий, шило, игла; из вещей скандинавского типа там найден обломок верхушки кольцевидной фибулы. Обломок фигурной фибулы найден в кургане № 73, раскопанном Соколовым. Наряду с этим обломком там найдено калачевидное кресало — обычная находка в славянских курганах — и обыкновенный нож.

В кургане № 1 раскопок Уварова встречена фигурная обоймица от ножен, которую можно считать привозной, кольцевидная фибула с простым кольцом и листовидно-стебельчатая стрела, а остальные вещи были представлены находками местного производства: треугольно-вогнутыми стрелами, грушевидным бубенчиком, подковообразной загнутоконечной фибулой (заготовки таких фибул найдены в Гнездове), бляшками в виде пальметок, различными бусами и т. п.

В большом кургане раскопок 1885 г. среди многочисленного инвентаря встречено несколько бляшек скандинавского стиля, иранская тарелка, круглая бляха с восточным рисунком, оковка рога с орнаментом, встречающимся в русской деревянной резьбе. Русское происхождение этой оковки доказано Сизовым. Встречен великолепный шлем, русское производство которого предположил еще Сизов и доказал Рыбаков.⁶⁶

В кургане № 52 раскопок Сергеева вместе с черепаховидной фибулой обнаружены бляшки, аналогии которым есть в Сибири, но нет в Скандинавии, несомненно местная фибула, дирigem с ушком и славянский горшок. В кургане № 65 тех же раскопок найдено два обломка черепаховидной фибулы и две бляшки скандинавского стиля. Наряду с ними найдено серебряное перстнеобразное височное кольцо и, что особенно важно, два пряслица, из которых одно из серого шифера, другое — розового. Находка пряслица розового шифера роднит этот курган с рядовыми славянскими курганами. Курган имел характерную подсыпку из белого песка под кострищем, на котором стояли три славянских горшка.

Курган № 86, раскопанный Сергеевым, объявляли норманским. Основным аргументом была находка якобы норманского шлема. Этот шлем высок, коничен. В таких шлемах изображены будто бы норманские воины на ковре из Байе.⁶⁷ На эти рисунки ссылается и Дю-Шапо, говоря о норманском

⁶⁵ В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 118, примеч.

⁶⁶ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 234.

⁶⁷ Э. Ленд. Предметы вооружения и конского убора, найденные близ села Демьяновки, Мелитопольского уезда. ИАК, вып. 2, СПб., 1902.

характере шлемов, несколько изображений которых встречено в деревянной резьбе.⁶⁸ Это, однако, неверно. Во-первых, на ковче из Байе в таких шлемах изображены и саксы и норманы;⁶⁹ во-вторых, шлемы эти не имеют приделанной к венцу бармицы, которая заменялась составляющим одно целое с кольчугой капюшоном кольчужного же плетения;⁷⁰ в-третьих, ни одной находки подобного шлема в Скандинавии мне неизвестно. Шетелиг, описывая норманские шлемы, не называет ни одного, похожего на гнездовский; в-четвертых, конические шлемы известны во Франции, где эта форма бытовала от римского времени, а в X в. распространялась во всей Европе.⁷¹

Нидерле приводит ряд славянских аналогий гнездовскому шлему.⁷² Так называемый шлем св. Вацлава из Чехии к нему весьма близок, а в Чехии варягов не было. Наконец, шлем из тайника Десятинной церкви в Киеве также является аналогом гнездовского, правда более поздним.⁷³

На основании сказанного можно считать несостоятельным утверждение о норманском характере шлемов этого типа. Скандинавских вещей в этом кургане мало — несколько наконечников пояса. Остальные вещи нельзя признать скандинавскими; к ним относятся кольчуга, местное происхождение которой доказано Рыбаковым,⁷⁴ меч, копье, несколько бляшек, восточная полевая тарелка, весы и т. д.

Скандинавские вещи из кургана № 24 раскопок Абрамова ограничиваются двумя бляшками; остальные вещи — кольчуга и другие — местные.

В Михайловском, в кургане № 10 — 1897 г. скандинавская кольцевидная фибула найдена наряду с каролингским мечом, местными стрелами, удилами и топором. В кургане № 18 — 1897 г. две черепаховидные фибулы встречены также с мечом, с восточной монетой и керамикой, несомненно местного производства. Круглая фибула из кургана № 18 — 1898 г. — единственная в нем вещь скандинавского стиля. Две черепаховидные фибулы из кургана № 6 — 1938 г. обнаружены среди вещей, несомненно местного происхождения, в том числе глиняная медвежья лапа; находки которой всячески обходил Арне, так как они противоречили его норманистской схеме. Две фибулы из кургана № 3 — 1903 г. подчеркивают незамятское происхождение погребенного, так как с ними не умели обращаться: фибулы грубо пробиты гвоздями. Вместе с ними найден местный горшок. В кургане № 8 — 1898 г. среди инвентаря местного происхождения, куда входят копье и стрелы, найдена единственная кольцевидная фибула. Ободки двух черепаховидных фибул в кургане № 15 — 1898 г. найдены лишь с ножом. Наконец, в кургане № 1 — 1896 г. встречены две черепаховидные фибулы вместе с лопатковидным ключом, пружинными ножницами, древолазными шипами и глиняным кольцом. Таким образом, все перечисленные курганы не могут считаться скандинавскими.

В своей книге Арне назвал скандинавскими два михайловских кургана: один из раскопок И. А. Тихомирова, другой из раскопок В. А. Городцова. По словам Арне, первый из них содержал «наряду с овальными фибулами начала X века... многочисленные железные скобы, ножи, точильные бруски, 21 накладку листового железа, согнутую вдвое, принадлежащих оковке щита (как в могиле № 9 с лодкой в Венделе) — все скандинавского типа,

⁶⁸ Du Chaillu. The Viking Age, London, 1889, рис. 1108—09, 1115, 1116.

⁶⁹ M. Viollet-le-Duc. Dictionnaire raisonné du mobilier français, Paris, т. VI, 1875, стр. 103.

⁷⁰ Э. Ленг. Указ. соч.

⁷¹ M. Viollet-le-Duc. Указ. соч., стр. 102; A. Demmin. Guide des amateurs, Paris, 1879, стр. 149, рис. 2; стр. 179; стр. 185, рис. 2; стр. 216, рис. 16.

⁷² L. Niederle. Rukověť slovanské archeologie, Praha, 1931, рис. 59.

⁷³ М. К. Каргер. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве. КСИИМК, вып. X, стр. 79, рис. 26.

⁷⁴ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 231.

серебряную арабскую монету, гирьку, наконечники стрел, две бронзовые фибулы и различные глиняные предметы, из которых один имел форму лапы».⁷⁵

Если учесть, что монеты в раскопках Тихомирова были найдены только в трех курганах, то легко было бы установить, о каком кургане пишет Арне. Но инвентарь всех трех курганов (№ 7, 18 — 1897 г. и № 27 — 1898 г.) совершенно отличен от описанного Арне, который, видимо, рассматривая михайловские вещи, не сверил планшета с дневником и причислил к одному комплексу вещи разных курганов. Таким образом, этот никогда не существовавший курган нельзя считать норманским.

Дневник раскопок другого кургана, объявленного Арне норманским, к сожалению, не найден. Это — один из курганов, раскопанных В. А. Городцовым в 1902 г., о которых существует лишь суммарный отчет.⁷⁶ Но и этого отчета достаточно для доказательства несостоятельности выводов Арне. Перечень вещей, найденных в этом кургане, Арне приведен неполный, некоторые бляшки объявлены скандинавскими без всякого основания; при описании инвентаря пропущены вещи местного происхождения: две литейные формы, льячок. Не сказано, что поясная пряжка местного происхождения, что бубенчик салтовского, а не скандинавского типа, что некоторые бляшки имеют восточное происхождение. Арне считал один из курганов Линги аналогичным описанному выше по инвентарю, но сходство инвентарей выражается лишь в наличии меча и бляшек как вещевой категории. Таким образом, и этот курган признать скандинавским нельзя. Значит, в Михайловском нельзя выделить ни одного норманского погребения. Об этом же говорит и Станкевич.

Особо стоят два гнездовских кургана: № 59 — раскопок Соколова и № 74 — раскопок Сергеева. Здесь мы действительно находим обилие скандинавских вещей. В кургане № 74 встречено 7 наконечников, много бляшек и пряжек, орнаментированных в чистом стиле борре, 4 черепаховидные фибулы, а также части гривны, видимо железной, с привесками в виде молотка Тора. В этом же кургане найдена костяная рукоять, орнаментированная в стиле «jelling». 234 найденные в кургане заклепки были расположены по контуру сожженной ладьи. Все это, несомненно, говорит о северном происхождении погребенного. Кострище располагалось на материке. Курган имел плоский верх, что мне в Скандинавии неизвестно. В кургане найдено деревянное ведро, частое в славянских курганах, гривны местного типа и нижняя часть глиняной фигурки, стоящей на коленях. Весьма схожая фигурка найдена во владимирских курганах.⁷⁷ Такой же идол, но медный, найден и в Черной Могиле. Все это говорит о том, что погребальный обряд в данном случае не чисто скандинавский, а имеет славянские особенности.

Обряд погребения в кургане № 59 раскопок Соколова, к сожалению, остается неизвестным, но скандинавских вещей в кургане найдено много: черепаховидная фибула, наконечники, пряжки и бляшки стиля борре. Однако стрелы и подковообразная фибула местного происхождения. Несмотря на это, можно считать, что как в этом кургане, так и в кургане № 74 были похоронены скандинавы.

Арне, рассматривая гнездовские курганы, не мог назвать скандинавским ни одного, кроме № 74 раскопок Сергеева; несмотря на это, он все Гнездово объявил скандинавской колонией.⁷⁸ Как видно из изложенного, все остальные гнездовские курганы норманскими считать нельзя. Существова-

⁷⁵ T. Arne. La Suède et l'Orient, стр. 52.

⁷⁶ Исторический вестник, 1903, № 3, стр. 1207.

⁷⁷ А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, рис. 63.

⁷⁸ T. Arne. Указ. соч., стр. 37 и сл.

В пользу этого предположения говорит и упоминание о суздальско-залесской дани Смоленску,⁸⁸ и появление в Гнездове рисунка так называемого «мерянского» топора, и ряд других доводов.

Полностью рассмотрев материал двух археологических памятников, на который наиболее часто ссылались норманисты как на якобы подтверждающий их положения, можно сказать, что ни одно из них не подтвердилось. Более того, все эти положения археологическим материалом опровергаются. Но это не смущает норманистов. Совсем недавно Арне выпустил в свет еще одну работу, где он, искажая исторические и археологические факты, вновь выдвигает давно опровергнутое мнение о создании русской государственности варягами.⁸⁹ И совсем не случайно, что статья Арне опубликована в норвежском антисоветском журнале.

⁸⁸ Ю. В. Готье. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края. ТСА РАНИОН, IV, М., 1928.

⁸⁹ Б. Д. Греков. О роли варягов в истории Руси. Новое время, № 30, 1947.